а юной жизни, началу жизни.

〈...〉 lohikäärme seisoo synnyttäjän luona
ja vartoo poikalasta saaliikseen
(«Ilmestyskirja») [31, s. 420]

(...дракон стоит возле роженицы и ждет добычу — мальчика — «Апокалипсис»).

Из наследия Ду Фу, стихами которого Вала увлекалась в молодости, поэтесса перевела и включила в «Возвращение» «Песню боевых колесниц» (перевод называется «Уход на войну» — «Sotaan lähtö»). Вала немного сократила оригинал (она переводила с немецкого издания Клабунда), стараясь главным образом передать пафос китайского поэта, направленный в защиту совсем юных:

Jos vaimomme kerran kantavat lasta;
kun poikaa syntyis ei ainoasta!
On tytär hyvä naapurille avioksi antaa...
Pojat lahoo kaukana haudattomat 〈...〉
[31, s. 354]

(Наши жены ждут младенцев: лишь бы не родились сыновья! Дочь можно отдать замуж за соседа ... А парни будут лежать где-то далеко незахороненные...)

«В финской поэзии,— считает Я. Пеннанен,— никто не изобразил материнской любви глубже и в то же время менее сентиментально, чем Катри Вала в «Возвращении». Она поднимается до обобщенного образа всех матерей» [39, с. 197]. Поэтесса задается вопросом, имеет ли она право вводить ребенка в мир, полный тревог, но все же она уступает дорогу новому поколению, чувствуя себя вестником новых эпох. Вала как бы следует завету Вяйнямейнена из пьесы Эйно Лейно «Борьба за Свет» («Sota Valosta»): «Истинное блаженство быть вестью солнца, а не самим солнцем» [40, с. 361].

В стихах Вала ребенок — это не только «маленький шалун», «невинный», «озорной малыш», но и будущий освободитель:

На иродов страх нагоняют
младенцы из низеньких хижин:
как бы не вырос сильный,
кто, странствуя по полям и дорогам,
скажет:
«Я указываю путь к правде и жизни!» —
поправ власть смерти.
(«Ироды и освободители».
Пер. К. Еголина [27, с. 196])

«Ироды и освободители» («Herodekset ja vapauttajat») — одно из цикла стихотворений Вала на библейские темы. Желая придать некоторым своим образам монументальность, мировую значимость, она окрашивает эти образы в библейские тона. Но младенец в поэзии Вала — не христианский символ. Это реальный маленький бунтовщик:

〈...〉 он рукоплещет ... ногами.
(Ведь руки-то у него — заняты!)
Растолкать сонный мир!
Утвержденное —
Ниспровергнуть!
Все на свете — перевернуть!
(«Мир ребенка».
Пер. Н. Матвеевой [27, с. 225])

Вала подчеркивала, что в ее поэзии ребенок — это «плоть и кровь», она писала Р. Пальмгрену: «Считаю совершенно ошибочным то, что, по-твое-